УДК / UDC 394.7+398.332

«Лунные» предметы и их функции в культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии

Марина Михайловна Содномпилова[1], *Баир Зориктоевич Нанзатов*[2]

Turko-Mongols of Inner Asia: 'Lunar' Objects and Their Functions in Culture

Marina M. Sodnompilova[1], *Bair Z. Nanzatov*[2]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova(at)yandex.ru

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

[2] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov(at)yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Статья продолжает цикл работ, посвященных ночному светилу — луне. В фокусе внимания данной статьи — отражение «лунных» образов, символики в материальной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. *Цель* статьи — выявление предметов, имеющих прямое или косвенное отношение к «лунным» образам, символике, исследование их функционального и символического значения. *Результаты.* Определена группа предметов, большая часть которых представлена украшениями. Образ ночного светила транслируется в белых металлах — серебре и олове, изделиях, изготовленных из этих металлов (украшения, пуговицы, монеты, ритуальные предметы), минералах биологического происхожде-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2026
© Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. (Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z.), 2026

ния — жемчуге и перламутре, которыми декорировались женские украшения. Анализ терминологии, связанной с ценными минералами биологического происхождения, указывает на места, откуда такой товар доставлялся в исследуемый регион — Персидский залив и Китай. Выявлено, что, несмотря на богатую мифологию и разнообразную символику жемчуга и перламутра, присущие культуре Китая и Ближнего Востока, иноземные представления не отложились в мировоззрении тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Жемчуг и перламутр рассматривались ими как земное воплощение ночного светила и как луна. Эти ценные минералы наделялись свойствами дарить плодородие и долголетие женщинам и даровали им красоту.
Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, Внутренняя Азия, луна, символы, серебро, олово, жемчуг, перламутр
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).
Для цитирования: Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. «Лунные» предметы и их функции в культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2026. № 2. С. 92–106. DOI: 10.22162/2587-6503-2026-2-38-92-106

Abstract. *Introduction*. The article continues the series of works dealing with to the lamp of heaven — moon. The article focuses on manifestations of ‘lunar’ images and their symbolism in the material culture of Turko-Mongols across Inner Asia. *Goals*. The paper aims to identify objects directly or indirectly related to ‘lunar’ images and their symbolism, and to examine their functional and symbolic meanings. *Results*. A group of objects, most of which are represented by jewelry, has been identified. The image of the lamp of heaven is conveyed in white metals — silver and tin, products made from these metals (jewelry, buttons, coins, ritual objects), and minerals of biological origin — pearls and mother-of-pearl, which were used to decorate women’s jewelry. Out analysis of the terms associated with valuable minerals of natural origin indicates the places from which such goods were delivered to the investigated region — the Persian Gulf and China. It has been revealed that despite the rich mythology and diverse symbolism of pearls and mother-of-pearl inherent in the cultures of China and the Middle East, these foreign concepts did not permeate the worldviews of Inner Asian Turko-Mongols. Pearls and mother-of-pearl were viewed as the earthly embodiment of the night star and, like the moon proper, these valuable minerals were endowed with the properties of bestowing fertility, longevity and beauty on women.
Keywords: Turko-Mongols, Inner Asia, moon, symbols, silver, tin, pearl, mother-of-pearl
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.
For citation: Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Turko-Mongols of Inner Asia: ‘Lunar’ Objects and Their Functions in Culture. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2026. No. 2. Pp. 92–106. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2026-3-38-92-106

Введение

Среди астрономических объектов, доступных созерцанию, в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов важнейшими функциями и значениями наделялось ночное светило. Луна стала главным маркером времени, образ полной луны стал символом плодородия и богатства. Одна из главных причин особого отношения к ночному светилу — лунные фазы, которые в традиционном мировоззрении многих народов мира обрели особое преломление — так возникли представления о бессмертии светила. М. Элиаде отметил, что луна подобно человеку рождается, стареет и умирает, но «за этой „смертью" следует возрождение: новолуние. Угасание Луны в „смерти" никогда не окончательно» [Элиаде 1999: 117]. Все эти «лунные» свойства в том или ином виде переносились и на предметы, которые ее символизировали. В материальной культуре тюрко-монгольского населения Внутренней Азии образ луны нашел воплощение в ряде предметов, которые становились неотъемлемой частью одежды и украшений кочевника, его рабочего и ритуального инвентаря, и сопровождали его с самого рождения и до смерти.

Материалы и методы

Целью статьи является выявление в материальной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии предметов, имеющих прямое или косвенное отношение к «лунным» образам, символике; исследование их функционального и символического значения. Источниками исследования стали историко-этнографические, лингвистические и фольклорные данные, опубликованные в работах исследователей — этнографов, историков, лингвистов, фольклористов. В исследовании применялся историко-сравнительный метод, способствующий выявлению общих черт в понимании и осмыслении явлений культуры, и этимологический метод в связи с выяснением происхождения рассматриваемого слова.

Результаты и обсуждение

Жемчуг

Безусловно, что чаще всего ассоциации с луной вызывали круглые по форме предметы, обладающие и соответствующим цветом — жемчуг и перламутр. Эти минералы биологического происхождения привозились с другими товарами из Китая и с Ближнего Востока в Монголию, Южную Сибирь, Забайкалье. Добирался жемчуг и до районов Крайнего Севера: в женских накосных украшениях юкагиров В. А. Туголуков упоминает нитки жемчуга [Михайлова 2005: 33].

С жемчугом были хорошо знакомы предшественники монголов ухуань. Свадебные головные уборы ухуаньских женщин *гугу*, отождествляемые исследователями с монгольскими женскими головными уборами *бокка*, были очень пышными и украшались золотом, лазоревыми камешками, жемчужными подвесками [Викторова 1980: 39].

Из «Сокровенного сказания монголов» мы узнаем, что жемчуг и перламутр ценились монголами эпохи Средневековья. Монгольские названия жемчуга известны нам по «Сокровенному сказанию монголов». В § 238 «Сокровенного сказания монголов» говорится, что уйгурский Идуут-хан, пожелавший обрести покровительство Чингис-хана, прибыл к нему, «взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров (*subud tanas*), златотканной парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей» [Козин 1941: 176; Rachewiltz 1972: 136]. Выражение *subud tanas* в данном случае представляет собой довольно распространенное в монгольских языках явление — парные слова, или биномы, которые могут выражать идею собирательности [Мазарчук 2017: 183], в данном случае драгоценности вообще. Таким образом, в «Сокровенном сказании монголов» жемчуг и перламутр наравне с золотом и серебром упоминаются как главные драгоценности. Полагаем, что другие ценные минералы, такие как коралл, бирюза, так полюбившиеся в кочевой культуре, еще не получили тогда широкого распространения.

Также необходимо иметь в виду, что в разных переводах отмечают существующую разность исходных значений. Так, термином *tana* обозначался большой жемчуг (обычно морской), а термином *subut* — маленький жемчуг (обычно речной), что, вероятно, дало развитие в термине *subusun* (**subu-sun*), *халх*. ***сувс***, *бур*. ***һубһан*** 'бусы, бисер', *калм*. ***сувсн***, ***совсн*** 'жемчуг' [ЭСМЯ 2018: 130]. В то же время термин *tana* обозначал и перламутр. Мы можем предполагать, что далеко не все, кто держал в своих руках перламутр или жемчужину, понимал и разницу между этими минералами. Не следует исключать и обман, который, несомненно, сопутствовал торговле данным товаром. Этим, возможно, и объясняется неоднозначность терминов, используемых по отношению к жемчугу и перламутру. Таким образом, имеет место сложность в точном определении ценных минералов, о которых идет речь в текстах.

В § 133, в сюжете, описывающем победу Чингис-хана над татарами, говорится, что Чингис-хан взял тогда как трофей у Мегучжина-Сеулту серебряную зыбку и одеяло, расшитое либо жемчужинами, либо перламутрами [Козин 1941: 114]. Известно, что жемчужинами/перламутрами украшали свои одеяла чжурчжени [Раков, Бродянский 2002: 466]. Аналогичная традиция обшивать одеяла и пологи для супружеского ложа раковинами каури и перламутровыми пластинками сохранялась у хакасов вплоть до середины XX в. [Бутанаев 1996: 64].

Жемчуг *сувд(ан)* (монг.), *субад* (бур.) [БАМРС 2001б: 123; БРС 1973: 395] с давних пор широко использовался в культуре монголов для украшения предметов быта, одежды, головных уборов представителей знати. В описаниях интерьера монгольских ханов и членов их семей, а также сановников упоминания об украшениях из жемчуга встречаются регулярно. Так, одним из украшений ханского дворца в г. Тайду выступает чаша из редкого камня мердикес, увешанная сетью крупных жемчужин. Жемчужины украшали и ханский шатер. Жемчуг также был обычным украшением го-

ловных уборов ханских жен, известных как *бокка*, *боктаг*: «И если в мире и есть крупные и красивые жемчужины, то они являются украшением этих дам» [Юрченко 2007: 189–191; Гэрэлтуу, Улзийбаяр 2025].

В монгольском буддийском искусстве на рубеже XIX–XX вв. вследствие разных факторов произошли существенные изменения в традиции исполнения буддийских икон. Искусство стало пышнее, небрежнее к канонам. Следствием этих тенденций стало активное внедрение стиля аппликации в религиозное искусство: вместо дорогостоящих красок мастераламы при изготовлении икон стали использовать куски парчи, шелка и других дорогих тканей, прошивая их золотыми и серебряными нитями [Ломакина 1974: 27]. Прекрасным дополнением к дорогим тканям стал жемчуг, который также был неотъемлемой частью этого нового стиля в буддийском искусстве.

В XIX в. жемчуг сохраняется в украшениях зажиточных замужних женщин Монголии. Жемчугом украшались головные уборы: головной венец, сделанный из серебра, украшали эмалью, кораллом, бирюзой и жемчугом [Викторова 1977: 181]. В традиции монгольских народов Китая было принято расшивать жемчугом свадебные предметы, имеющие символическое значение. Так, в свадебной обрядности уратов в обряде бракосочетания жених и невеста держат в руках концы бечевки, которой перехвачен посередине белый мешочек с недоуздком внутри. Мешочек, символизирующий, очевидно, счастье молодых, вышит кораллами и белым жемчугом (монг. *цагаан зураг* 'белый рисунок') [Наранбат 1992: 65].

О давнем знакомстве монголов с жемчугом свидетельствуют рекомендации, направленные на достижение душевного равновесия беременной женщины в монгольской культуре. Она должна стараться быть безмятежной, сохранять спокойствие, не злиться. Согласно наставлениям лекарей, монгольским женщинам рекомендовалось созерцать приятные образы карпа, павлина, ястреба, яшмы, жемчуга, перламутра. Подобные советы в монгольской медицине, очевидно, являются отражением влияния китайской традиции. Драгоценности, такие как яшма, жемчуг и перламутр, было полезно не только созерцать, получая эстетическое наслаждение, но и прикасаться к ним руками, перебирать, ощущая форму — считалось, что ребенок в этом случае будет наделен прекрасной внешностью [Билгүүн 2013: 59].

Обозначение жемчуга в монгольских языках в форме *subud* до сих пор представляет особую загадку. Как отметил Т. Оллсен (T. Allsen), монгольский термин *subud* в разных лексиконах регулярно используется как эквивалент китайского чжу (珠, пиньинь zhū), персидского marvārīd (перс. دی‌راورم) и арабского al-lu’lu’ (араб. لاؤلؤ) (Allsen 2019: 50). О происхождении термина существуют разные точки зрения. Так, Дж. Клосон утверждал, что *subud* является метатезированной формой персидского *bussad* в значении 'коралл' [Clauson 1966: 33–34]. Однако Т. Оллсен не согласен с позицией Дж. Клосона, опровергая основную логическую позицию последнего о невозможности появления в монгольском языке термина, обозначающего

предмет, не встречающийся в окружении носителей языка. Т. Оллсен обратил внимание на распространение речного жемчуга в реках Маньчжурии, на родине непосредственных предков монголов [Allsen 2019: 62]. Таким образом, Т. Оллсен допускает возможность возникновения термина с корнем *subu-* в монгольской среде.

Действительно, знакомство монголов с жемчугом могло состояться гораздо раньше установления и развития торговых контактов с южными соседями, с которыми жемчуг стал широко распространяться в среде кочевников. Имеется много письменных источников, свидетельствующих об активной добыче жемчуга в средневековье в бассейне реки Амур и других рек Дальнего Востока, территории, на которой проживали далекие предки монголов. На раскопках бохайского городища Горбатка в Приморском крае во всех культурных слоях обнаружены многочисленные крупные раковины даурской жемчужницы, а также гребенчатки и нодулярий. Эти способные формировать жемчужины моллюски добывались вплоть до середины XX в. и в целях изготовления из их раковин перламутровых пуговиц [Раков, Бродянский 2002: 466]. В письменных источниках описан своеобразный способ добычи жемчуга чжурчженями: они получали его из желудков лебедей, которые питались моллюсками-жемчужницами. Таким способом чжурчжени получали жемчуг в достаточном количестве для украшения головных уборов, одежд и одеял, а также для продажи [Раков, Бродянский 2002: 466].

О промысле жемчуга в дальневосточных реках писали С. П. Крашенинников и В. К. Арсеньев: «До сих пор по реке Тунгуске, впадающей в Амур у Хабаровска, добывают жемчуг женщины. Отличные голубоватые и дымчатые жемчужины находят в водах реки Уссури» (цит. по: [Сребродольский 1985: 69]). Есть сведения и о том, что жемчуг в небольших количествах добывали на р. Ангаре, р. Белой, р. Китой русские служивые на начальном этапе освоения земель у Байкала [ДАИ 1867: 330].

Как сакральный объект воспринимали жемчуг соседи монголов — тувинцы. Согласно полевым материалам Е. В. Айыжы, жемчуг и перламутр входили в число «девяти священных камней», составлявших содержимое «мешочка счастья» (тув. *кежик-хавы*). Этот мешочек прикрепляли к ритуальной стреле в обряде освящения сакральных вершин местности с. Нарын Эрзинского района Республики Тыва [Айыжы 2024: 221].

Отдельное и своеобразное развитие в монгольском языке и языках соседей монголов — тюрков Южной Сибири — получило китайское название жемчуга: так, обозначение жемчуга в форме 珍珠 (пиньинь zhēn zhū) в монгольском языке преобразовалось в форму *jinjüü*. Вероятно, именно монгольская форма получила дальнейшее развитие в тюркских языках (*yünjü*). Наиболее ранней фиксацией этого термина в древнетюркском языке являются имена известных правителей — *Yincü Tung irkin* (627 г.), *Yincü bilge kagan* (628–644), *Yincü yabgu kagan* (655–656) (подробнее см.: [Rona-Tas, Berta 2011: 402–404]).

У тувинцев и алтайцев древнетюркское название жемчуга *jenčü* в дальнейшем получило более широкий спектр значений: алт. *јинју* ‘мел-

кие бусы, бисер', тув. *чинчи* 'бусы', хак. *нинчі* 'бисер, жемчуг'. В составе хакасских женских украшений появились накосные подвески *нинчі,* пуговицы *ӱзӱмчӱк* [Абдина 2010: 116; Бутанаев 1998: 109; Бутанаев 1999: 68]. В монгольском языке закрепился термин *жинжуу* со значением 'бисер' [БАМРС 2001а: 176].

Перламутр

В культуре алтайцев, хакасов, тувинцев, ойратов Монголии, калмыков и бурят были широко распространены украшения из перламутра, называемого *тана*. Такие украшения представляли собой пластинки из перламутра круглой или овальной формы и, как правило, выполняли функции пуговицы. В этой связи в языке алтайцев и хакасов название перламутра стало впоследствии ассоциироваться с пуговицей, хотя, например, в хакасском языке существовало слово для обозначения пуговиц в целом — *марха*. Название перламутра *тана* стало распространяться и на подобные предметы, изготовленные из других материалов — кости, рога и даже фаянса с отверстием в центре [Москвина 2013: 84]. В языках монгольских народов перламутр также известен как *тана(н)* (монг.), *тана* (бур.), *тан* (калм.) [БАМРС 2001б: 187; БРС 1973: 413; КРС 1977: 475], а в декоративном оформлении одежды использовались перламутровые пуговицы *танан товч* [Басанхүү, Батмөнх 2010: 89].

Украшение *тана* в виде перламутрового диска или пуговиц было широко распространено у тюрков Южной Сибири, начиная с древнетюркской эпохи [Михайлова 2005: 104]. Перламутровые диски широко использовались в женском костюмном комплексе алтайцев, хакасов и ойратов. Особенно обильно перламутром украшались нарядные женские одежды хакасских женщин. «По праздничным дням молодые женщины одевали распашной кафтан. Шалевый воротник покрывали красным шелком или парчой. На лацканах нашивали перламутровые пуговицы *тана* или раковины каури, а края окаймляли жемчужными пуговицами *чимчӱк, ӱзӱмчӱк*» [Бутанаев 1999: 166, 219]. У северных хакасов-кызыльцев воротник вышивался растительным орнаментом. Под лацканом на левом борту сикпена у застежки нашивались три, шесть или девять (по три в три ряда) перламутровых пуговиц» [Бутанаев 1998: 109]. Помимо обозначения жемчуга, в хакасском языке термин *ӱзӱмчӱк* в сочетании с определениями *сын* (*сын ӱзӱмчӱк*) и *ах (ах ӱзӱмчӱк*) означает перламутр [Бутанаев 1999: 166].

Присутствовал перламутр и в девичьих свадебных украшениях. Перламутровые пуговицы были частью накосного украшения *танапоос*. Так же, как и у тувинских невест, косы хакасской девушки на спине украшала *чаба* — покрытый плисом или бархатом кусок дубленой кожи, который весь покрывался вышитыми узорами, бусинами коралла, в том числе и перламутровыми дисками. Их нашивали на *чаба* по три штуки в три ряда [Бутанаев 1998: 125].

Перламутровые диски выступали главным декоративным элементом в оригинальном хакасском женском украшении *пого*. *Пого* представля-

ет собой нагрудное украшение, напоминающее зоб птицы, поверхность которого декорирована крупными и мелкими перламутровыми пластинами *тана*, небольшими кораллами, раковинами каури, разноцветными бусинами и зернами речного жемчуга. Это насыщенный символикой элемент одежды замужних женщин-хакасок вообще и обязательный в наряде свахи. По мнению исследователей, *пого* несомненно связано с почитанием древнетюркской богини Умай, дарующей молодоженам души детей. Предположительно, в узоре этого нагрудного украшения хакасских женщин видится лик богини. Основу дизайна представляли три крупные перламутровые пластины, «читающиеся» как глаза божества [Бутанаев, Бутанаева 2017: 12].

В свадебном украшении тувинской невесты *чабага* также использовались перламутровые пластинки *тана*. Они привозились из Китая и стоили очень дорого. Подобные украшения из перламутра нередко находили в женских погребениях Тувы. Перламутровыми пуговицами обшивались женские головные уборы *тоорцог* ойратов Монголии — торгутов, мянгатов, захчинов [Басанхүү, Батмөнх 2010: 89, 108]. Перламутровые пуговицы украшали и нарядные одежды предбайкальских бурят. В частности, ими сверху донизу украшались борта нарядных *дэглэ* [Балдаев 1959: 56]. В относительно недалеком прошлом перламутр использовался бурятами довольно широко: он встречался в инкрустации металлических изделий XVII в., предназначенных для декорирования разных предметов — седла, упряжи, украшений, поясов. Перламутр удачно сочетался с кораллами на металлических пластинах, украшенных насечкой серебром — архаичным способом, который в XIX в. сменила иная ювелирная техника. По мнению А. В. Тумахани, «жемчужный, переливающийся и слегка дымчатый тон перламутра замечательно гармонирует с гладкой матовой поверхностью заклепки, а также служит великолепным фоном для красного коралла» [Тумахани 1970: 62]. В начале XIX в. перламутровые диски еще использовались девушками для украшения своих кос. Г. И. Спасский в описании украшений буряток того времени отмечал: «Девушки плетут вокруг всей головы кос до 20, к коим приплетают корольки, серебряные монетки. Медные, оловянные и железные кружочки, шелковые кисти и другие подобные украшения, так что косы сии с приборами достают иногда до самых колен; поверх кос накладывается узкая повязка, выложенная металлическими бляшками, корольками и перламутровыми крушками (тана)» [Спасский 1824: 43(81)].

Многие предметы бурятского декоративного искусства к настоящему времени утрачены, поэтому судить о широком или незначительном распространении в традиционной бурятской культуре перламутра или жемчуга сложно. Утрачено и символическое значение этих минералов биологического происхождения. Возможно, что широкому распространению жемчуга в бурятских украшениях препятствовала его связь с архаичной погребальной традицией народов стран Востока. Так, в китайской и корейской погребальных традициях покойнику в богатых семьях вклады-

вали в рот жемчужину. По одним воззрениям, жемчужина не позволяла нечисти проникнуть в тело [Малявин 2000: 569], по другим — жемчужина освещала путь умершему в загробный мир, наделяла покойника красноречием, необходимым ему при встрече с богами «Восточного рая» [Раков, Бродянский 2002: 465].

Термин *tana*, широко распространившийся в Монголии, Южной Сибири и Прибайкалье, представляет большой интерес с точки зрения экспорта не только самого предмета, но и связанных с ним представлений. Относительно термина *tana*, Дж. Клосон предложил сопоставлять его с персидской исходной формой *tāna* [Clauson 1962: 241], что позволяет выявить места, где он добывался, и маршруты, по которым этот товар попадал в исследуемый регион. Перламутр, как и жемчуг, добывался на южных морях. История добычи этих минералов насчитывает более 7 тыс. лет, что подтверждается археологическими данными [Carter 2005: 145, 190]. Одним из самых ранних и известных центров добычи жемчуга (и перламутра) был Персидский залив. В период с XIV по середину XV вв. основные рынки этого товара располагались в Дамаске, Алеппо, Акко, Каире, Александрии, Константинополе, Черноморском регионе (Крым, Тана) и Тебризе (Северный Иран) [Carter 2005: 148]. Добыча этих минералов в Персидском заливе продолжалась и в исламский период. В исламской культуре перламутр утвердился как символ чистоты, мудрости, как средство, защищающее от злых духов. Сходной символикой наделялся и жемчуг. В VII в. красота и ценность жемчуга были отмечены в Священном Коране, где он связывается с образом Рая [Carter 2005: 145].

Огромной любовью пользовался жемчуг в Китае, где его научились выращивать около 3 тыс. лет назад [Раков, Бродянский 2002: 467]. Согласно китайским преданиям, происхождение жемчуга связано с луной: жемчужная раковина вбирала в себя энергию лунного света. Китайцы приписывали жемчугу различные магические свойства, в том числе и способность удлинять жизнь [Малявин 2000: 331] и даже даровать бессмертие, наравне с нефритом [Суслова 1977: 233]. Его красота и высокая стоимость определили круг людей, которые могли позволить носить украшения с этим камнем: императорская семья, его приближенные, видные сановники. Жемчуг в культуре Китая как атрибут власти и высокого служебного положения украшал головные уборы императора, членов его семьи и сановников [Раков, Бродянский 2002: 464; Чжан 2021: 187]. Жемчуг ценился в Тибете, считаясь одним из традиционных национальных камней этой страны. Им декорировались головные уборы и украшения тибетских женщин [Белый волосок 2002: 38].

Однако такая разнообразная символика жемчуга и перламутра не просматривается в культуре тюрко-монгольского населения Внутренней Азии. Здесь отмечаются иные взгляды на свойства и магические возможности этих минералов. В представлениях народов данного региона жемчуг и перламутр, прежде всего, рассматриваются как земное воплощение ночного светила. В мифопоэтическом мышлении бурят, ойратов, тюрков

Южной Сибири солнце и луна воплощают собой высшую красоту во всем мироздании. В эпической традиции для изображения яркой женской красоты и ее духовной чистоты принято обращаться к образам небесных светил [Бурнаков, Цыденова 2013: 269]. Как и луна, эти ценные минералы наделялись свойствами дарить плодородие и долголетие женщинам, даровали им красоту.

Косвенно жемчуг имеет отношение к практике атрибуции должностных лиц в Цинской империи, истоки которой уходят в глубину веков. Так, имя легендарного императора Юй записано иероглифом, обозначающим 'драгоценность, драгоценный камень', а также как 'повелитель'. Иероглиф образован путем добавления точки к иероглифу «Ван» и графически выражался как «шарик, принадлежащий повелителю» [Раков, Бродянский 2002: 466]. Впоследствии ранг каждого сановника стал обозначаться шариком на его головном уборе — в монгольских языках его называли *жинс* (монг.), *жинчи* (бур.) в значении 'шарик' или 'узел на головном уборе чиновника'. Монгольское выражение *жинс зэрэг олох* означало 'получить степень чиновника' [БАМРС 2001а: 176]. Такой обязательный атрибут головного убора чиновника еще называли «шарик достоинства». Возглавлял иерархию шариков из разных материалов жемчужный шарик. За ним следовали шарики, выточенные из нефрита, бирюзы, коралла [Раков, Бродянский 2002: 466].

Пуговицы и монеты

Цвет и форму круглого диска луны имели и такие обычные предметы в быту кочевников, как пуговицы. Выше уже говорилось о сакральном значении перламутровых пуговиц, однако пуговицы сами по себе, изготовленные преимущественно из серебра или бронзы, обладали целым спектром символических значений, исходной основой которых были магические функции небесных светил. Эти предметы, особенно изготовленные из ценных металлов, очень ценились в культуре многих народов. Особо нарядными были пуговицы, украшавшие хакасский женский костюм: «Под воротником с двух сторон разреза пришивали по перламутровой пуговице, украшенной кораллами и серебряными навершиями „силби“» [Бутанаев 1998: 103]. В монгольской культуре мастера украшали серебряные пуговицы узорами с благожелательной символикой — узорами *улзы*, *шоу*. Найти на дороге пуговицу лежащей лицевой стороной, считалось удачей. Лежащую иначе пуговицу не подбирали [Бутанаев 1996: 72]. Аналогичные представления распространялись и на монеты.

Пуговицы считались воплощением жизненной силы, счастья и богатства. Хакасы считали пуговицы хранителями души человека. Перламутровые пуговицы хакасы часто дарили новорожденным «на зубок» [Бутанаев 1996: 72, 139], очевидно, как пожелание прожить долгую жизнь, стать богатым. При продаже одежды пуговицы отпарывали, опасаясь, что семью покинет счастье. В этих же целях срезали пуговицы с одежды умершего человека [Бутанаев, Монгуш 2005: 128]. Аналогичным образом поступали

и буряты: выбрасывая одежду или используя ее вторично, они оставляли пуговицы и воротник, преднамеренно оторвав их [Цыденова 2009: 59]. В свадебной традиции калмыков в церемонии взаимного одаривания одеждой родственниками жениха и невесты, по сведениям У. У. Душана, «все шубы и халаты, предназначенные для подарков, не должны были иметь ни пуговиц, ни карманов. Шили их тоже не аккуратно, а кое-как. Таков был обычай» [Шараева 2011: 110]. Буряты из серебряных пуговиц изготавливали украшения девичьих кос, ожерелья [Тумахани 1970: 78].

Представление о том, что пуговица функционирует как вместилище души человека, сочетается с воззрениями монголов об ассоциативной связи пуговиц, расположенных в определенных местах на одежде, с образами членов общества. Так, в представлениях монголов пуговицы, пришитые сбоку на одежде, у груди, обнаруживают связь с матерью, на что указывает своеобразный запрет: у кого имеется в живых мать, тому нельзя откусывать пуговицы, пришитые сбоку (близ груди) у халата [Вяткина 1960: 243].

В бурятской культуре в качестве декоративного элемента костюма и украшений в XIX в. преимущественно использовались серебряные и золотые монеты. Материальные ценности, в частности деньги, монеты, осмысливались не только как таковые, но и как символ обладания высшими жизненными ценностями, отсюда широкое использование монет (и их имитации) в различных ритуальных действиях [Михайлова 2005: 111]. До широкого распространения монет как декоративный элемент использовались пуговицы из перламутра. У предбайкальских бурят воротники и обшлага меховых шуб оторачивались мехом выдры, а сверху оторочки пришивалась кайма из парчи, сукна или шелка. Кайма декорировалась серебряными или золотыми монетами равного достоинства [Балдаев 1959: 56]. Из монет и кораллов состояло женское нагрудное украшение *хоолобши*. Монеты входили и в состав накосных украшений девушек и женщин. Как более дешевый вариант подобных украшений позднее стали использоваться обыкновенные белые пуговицы, которые распространились в качестве украшения в среде бедных слоев населения.

Белые металлы (олово, серебро)

До XIX в. в свадебной обрядности бурят в качестве украшения жениха и невесты использовалось олово. Бляхами из олова украшали косы невесты и жениха. Когда жених посещал дом отца невесты, для него совершалась особая церемония *туулга хадалган* 'пришивание олова', когда девушки и молодые женщины со стороны невесты пришивали кусочки олова на правое плечо жениха [Галданова 1986: 154]. О высоком значении олова в магии и ритуальных практиках бурят свидетельствует распространение в свадебной бурятской лексике выражений *туулгатай басаган* 'девушка с оловом', *туулгын дуун* 'песнь олова', которую обязательно исполнял жених во время церемонии пришивания олова. Накосные украшения у закаменских и окинских бурят называлось *шинэ бэрийн шурэ туулга* 'кораллы

и олово невесты' [Галданова 1986: 154]. Впоследствии оловянные украшения были заменены серебряными и золотыми монетами.

Магическое значение в далеком прошлом придавалось олову в традиции разных тюрко-монгольских народов. Олово широко использовалось в гадании: расплавленное олово выливали в холодную воду и гадали о будущем по отлившейся форме киргизы, тувинцы, хакасы, буряты.

Отлив из олова или свинца у тюрков назывался *кут* — понятие, связанное с жизненной силой, благодатью вообще и зародышами человека и животных в частности, которыми одаривают людей божества. Моления о даровании детей в разных традициях, как правило, завершались гаданием по олову. По форме олова определяли, будут ли у семейной пары дети и сколько.

Такое отношение к олову неслучайно: это металл белого цвета, а у народов Внутренней Азии белый цвет считался священным, содержал понятия «вечность», «прочность», «долголетие» и символизировал чистоту и непорочность [Скородумова 2000: 232, 234]. В монгольских языках к группе белых металлов относятся алюминий (монг. *мөнгөн цагаан*), олово (монг. *цагаан тугалга*), платина, белое золото (монг. *цагаан алтан*). К этой группе металлов безусловно относится и серебро, символические и декоративные функции которого, связанные с белым цветом и луной, со временем полностью вытеснили олово. Известно, что с давних пор вся палитра белого цвета прочно ассоциировалась с луной. Эта связь светлых металлов с ночным светилом и наделила их символикой плодородия. Идеи о связи луны, плодородия и белых металлов получили дальнейшее развитие, наполнив особым смыслом новые магические практики. Так, гадание по олову в молении о чадородии проводилось при *лунном свете* (курсив наш. — *М. С., Б. Н.*). Впоследствии, после рождения ребенка, отлив из олова, полученный при гадании, привязывали к колыбельке или поясу ребенка, если он плакал [Галданова 1986: 155].

Заключение

В материальной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии лунные образы и символика обнаруживаются в ряде предметов, большая часть которых являются украшениями. Образ ночного светила транслируется в белых металлах — серебре и олове, изделиях, изготовленных из этих металлов (украшения, пуговицы, монеты, ритуальные предметы), минералах биологического происхождения — жемчуге и перламутре, которыми декорировались женские украшения. Названия минералов в языках тюрко-монгольских народов Внутренней Азии указывают на места, откуда такой товар доставлялся в исследуемый регион, — Персидский залив и Китай.

Вместе с тем определенную загадку представляет обозначение жемчуга в монгольских языках *subut*, дальнейшее изучение которого может пролить свет на ранний этап истории монгольских народов. Допускается, что название жемчуга в монгольских языках является исконно монголь-

ским и свидетельствует о раннем знакомстве предков монголов с этим драгоценным минералом, который добывался в бассейне реки Амур.

Несмотря на богатую мифологию и разнообразную символику жемчуга и перламутра, присущие культуре Китая и Ближнего Востока, иноземные представления не отложились в мировоззрении тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Жемчуг и перламутр рассматривались ими как земное воплощение ночного светила, и, как луна, эти ценные минералы наделялись свойствами дарить плодородие и долголетие женщинам, даровали им красоту.

Источники

ДАИ 1867 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 10. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. 504 с.

Литература

Абдина 2010 — *Абдина Р. П.* Хакасские традиционные украшения и особенности их номинации // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 113–118.

Айыжы 2024 — *Айыжы Е. В.* Обряды жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая: традиции и инновации: дисс. … д-ра ист. наук. Казань, 2024. 334 с.

Бадмаева 1986 — *Бадмаева Р. Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1986. 144 с.

Балдаев 1959 — *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1959. 180 с.

Басанхүү, Батмөнх 2010 — *Басанхүү А., Батмөнх Б.* Монголын ойрад уудын соёл (XIX–XX зууны зааг үе). Улаанбаатар: Ганпринт, 2010. 384 с.

Белый волосок 2002 — Белый волосок серебряный до луны дотяни… (серебро Бурятии) / сост. И. И. Соктоева, Н. Д. Болсохоева, Т. Е. Алексеева, А. Л. Ковалевский, С. А. Соктоев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 120 с.

БАМРС 2021а — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001 . 536 с.

БАМРС 2021б — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах./ отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 3. Ө–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.

БАМРС 2022 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах/ отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

Билгүүн 2013 — *Билгүүн Шаравын Б.* Монголын анагаах ухааны түүх. Гутгаар боть (1206 оноос 1578 он хүртэл). Улаанбаатар: Адмон принт, 2013. 212 с.

БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 803 с.

Бурнаков, Цыденова 2013 — *Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц.* Луна в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 3. С. 267–279.

Бутанаев 1996 — *Бутанаев В. Я.* Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасск. кн. изд-во, 1996. 222 с.

Бутанаев 1999 — *Бутанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. 240 с.

Бутанаев 1998 — *Бутанаев В. Я.* Этническая культура хакасов. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1998. 352 с.

Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 196 с.

Бутанаев, Бутанаева 2017 — *Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.* Хакасский женский нагрудник «Пого» и культ богини Умай // Мир Евразии. 2017. № 3(38). С. 11–18.

Викторова 1977 — *Викторова Л. Л.* Монгольская одежда // Одежда народов Зарубежной Азии. Л.: Наука, 1977. С. 159–198.

Викторова 1980 — *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 222 с.

Вяткина 1960 — *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 г.г.). // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М.-Л.: Наука, 1960. С. 159–269.

Галданова 1986 — *Галданова Г. Р.* Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 131–159.

Гэрэлтуу, Ульзийбаяр 2025 — *Гэрэлтуу Б., Ульзийбаяр Д.* Украшения и аксессуары женского костюма монгольских кочевников (на примере изделий художественного ремесла Национального музея Монголии, Улан-Батор) // Искусство Евразии. 2025. № 1(36). С. 14–29.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruča tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. 1. Введение в изучение памятника: перевод, тексты, глоссарии / Отв. ред. А. П. Баранников. Предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941 (Труды Института востоковедения АН СССР. XXXIV). 620 с.

Ломакина 1974 — *Ломакина И. И.* Марзан Шарав. М.: Изобразительное искусство, 1974. 190 с.

Мазарчук 2017 — *Мазарчук А. В.* Общемонгольская лексика раздела «одежда и обувь» в халхаском, бурятском, калмыцком языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 5(33). С. 180–189.

Малявин 2000 — *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М.: Астрель; АСТ; ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2000. 632 с.

Михайлова 2005 — *Михайлова Е. А.* Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–120.

Москвина 2013 — *Москвина М. В.* Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 83–86.

Наранбат 1992 — *Наранбат У.* Свадебный обряд уратов Внутренней Монголии // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 56–71.

Раков, Бродянский 2002 — *Раков В. А., Бродянский Д. Л.* Жемчуг в археологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. № 12. С. 462–468.

Скородумова 2000 — *Скородумова Л. Г.* Монгольский язык: образы мира. Улан-Батор: Бемби-сан, 2000. 326 с.

Спасский 1824 — *Спасский Г. И.* Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. Часть первая. СПб.: Тип. Департамента Народного просвещения, 1824. 495 с.

Сребродольский 1985 — *Сребродольский Б. И.* Жемчуг. М.: Наука, 1985. 135 с.

Суслова 1977 — *Суслова И. В.* Головные украшения китаянок и их символика // Одежда народов зарубежной Азии. Л.: Наука, 1977. С. 230–248.

Тумахани 1970 — *Тумахани А. В.* Бурятское народное искусство. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1970. 111 с.

Цыденова 2009 — *Цыденова Д. Ц.* Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: [б. и.], 2009. 193 с.

Чжан 2021 — *Чжан Ц.* Культурные коннотации органических драгоценных камней в китайских ювелирных изделиях // Белорусско-китайский культурный и образовательный диалог: история и современное состояние. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2021. С. 182–192.

Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XXI в.). Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар"», 2011. 223 с.

Элиаде 1999 — *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.

ЭСМЯ 2018 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т. III: Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.

Юрченко 2007 — *Юрченко А. Г.* Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб.: Евразия, 2007. 864 с.

Allsen 2019 — *Allsen T. T.* The Steppe and the Sea. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2019. 261 p.

Carter 2005 — *Carter R.* The history and prehistory of pearling in the Persian Gulf // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2005. Vol. 48. No. 2. Pp. 139–209.

Clauson 1962 — *Clauson G*. Turkish and Mongolian Studies. London: Luzac and co., 1962. 261 p.

Clauson 1966 — *Clauson G*. Three Mongolian Notes // Collectanea Mongolica: Festschriftfür Professor Rintchinzum 60. Geburtstag / ed. by W. Heissig. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1966. Pp. 29–34.

Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz I. de.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University Publ., 1972. 347 p.

Róna-Tas, Berta 2011 — *Róna-Tas A., Berta A.* West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian, Part I: Introduction, Lexicon «A–K»**.** Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. 618 p.